

АКТЕРСКИЕ ПРОБЫ

Журнал и сцена. — 1995. —
16-23 февр. — С.13

Ее мать зовут Ванесса Редгрейв. Отца — Томи Ричардсон. Мужа — Лайэм Нисон.

До замужества она играла в основном на сцене. Став женой одного из самых популярных голливудских актеров, она смогла получить вторую женскую роль в фильме «Нелл», где Нисон играет главную мужскую роль. Если до сих пор она снималась только в телевизионных лентах или кинофильмах, рассчитанных на элитарную аудиторию, теперь у Наташи появилась возможность пробиться в первые ряды голливудских кинозвезд.

— Вы хотите стать кинозвездой!

— Честно говоря, я бы не возражала. Мои предыдущие фильмы неплохо принимала критика, но в большинстве своем они шли по несколько недель в двух-трех клубных кинотеатрах и навсегда исчезали с экрана. Мне было грустно думать, что у меня никогда не будет такого выбора, как у кинозвезд, для которых специально пишут роли.

— Трудно было начать кинокарьеру в тени прославленных родителей!

— Вначале очень повезло. Когда мне было 22 года, Кен Рассел пригласил меня сыграть в «Готики». Ну, здорово, подумала я. Мне и в голову не приходило, что



Наташа Ричардсон:

русское имя, английская традиция, ирландский муж, американское кино

после «Готики» придется постоянно доказывать свое право на роли, проходить кинопробы, прослушивания.

— Скажите честно, вам помогли получить роль в «Нелл»!

— Нет. Я прочитала сценарий еще до того, как его предложили Лайэму. Прочитала и загорелась — какая же интересная история! Потом узнала, что главную роль отдали Джоди Фостер. А когда Лайэму предложили сниматься в этом фильме, я подумала — а вторая роль? Лайэм уже согласился, потому что мы решили — не будем зависеть друг от друга в профессиональной жизни. Я знаю, что помимо меня на роль пробовались многие хорошие актрисы, но совершенно честно участвовала в конкурсе на общих основаниях.

— По Голливуду ходили самые невероятные слухи.

— Да, я их тоже знаю: что продюсеры взяли меня, чтобы угодить моему мужу. Но мне даже не обидно. Главное — сама знаю, что получила роль честно. Раньше ужасно переживала — что это такое, я должна проходить пробы, какое унижение! А теперь вижу в этом даже удовольствие. Вспомните, Марлон Брандо проходил пробы на «Крестного отца», Ричард Харрис боролся за роль в «Камелоте», которую хотели отдать Ричарду Бертону. Я не люблю просить. Но вполне могу посоревноваться.

— А какие роли вам хотелось бы попросить?

— Ту, что Дебра Уингер сыграла в «Раскаленном небе», Мишель Пфайффер в «Эпохе невинности», Мег Райан в «Неспящих в Сиэтле». Но я редко получаю то, чего хочу. В начале карьеры отказалась от пары проектов — не буду говорить названий, скажу только, что правильно отказалась, — и это запомнили. Впрочем, даже когда я просила, это ни к чему не приводило. Ужасно хотела сниматься в «Раскаленном небе», несколько раз встречалась с Бертолуччи, писала ему письма о том, как именно я вижу героиню. Наверное, в этом и была моя ошибка. Мне нужно было написать, что я увижу героиню такой, какой видит ее он сам.

— Является ли театр утешением после неудач в кино?

— Не могу сказать, что очень люблю театр. Особенно в последнее время. Все больше и больше разочаровываюсь. Нет ничего более навевающего клаустрофобию, чем плохой спектакль.

— Но по крайней мере личная жизнь компенсирует вам профессиональные разочарования?

— Да, разумеется. Правда, я не думала, что пресса начнет уделять нам с Лайэмом такое пристальное внимание. Когда мы путешествовали во время медового месяца, фотографии житья нам не давали. Понимаете, бывают моменты, когда я не хочу играть, хочу быть просто собой. Но сейчас, после замужества, начинаю сомневаться, что смогу чувствовать себя свободно на улицах или на вечеринках. Мне теперь все время кажется, что на меня glareют. Летом переодевалась на пляже и вдруг заметила, как за углом блеснула линза фотоаппарата. Мы с Лайэмом подошли к фотографу, он говорит — позвольте вас сфотографировать. Лайэм говорит — ни в коем случае; я его прошу — давай, пусть он нас щелкнет, он уже что-то снял, и если у него не будет хорошей фотографии, он продаст плохую. А потом мы гуляли по Венеции, не подозревая, что за нами следят, а на завтра увидели наши фотографии во всех газетах.

— Значит, вы не посоветуете нормальным людям кинозвезду в качестве избранника жизни?

— Я уже могу написать об этом книгу! Если кинозвезда к тому же является талантливым актером, вас ждет полная одержимость мужа работой. Вам часто приходится расставаться. Вас постоянно сравнивают. Я kinetic

да не хотела быть женой актера. Пока не встретила с Лайэмом. Мы познакомились на сцене, на постановке «Анны Кристи». Я много слышала о том, какой он донжуан, как женщины сходят по нему с ума. Но когда мы познакомились, я поняла, что все это неважно. Знаю, что вы мне не поверите, но все-таки: я люблю в нем то, что он любит женщин. Он любит их бескорыстно, и я прекрасно понимаю, почему они любят его.

— Вы любили кого-нибудь так, как Лайэма?

— Я была замужем, когда мы познакомились. Я любила мужа. Я и сейчас его люблю, но... любовь бывает разная. Когда я выходила замуж за Лайэма, знала, что это — навсегда.

— Говорят, он сильно изменился после «Списка Шиндлера»!

— Все нет. Конечно, этот фильм повлиял на его личность. Он стал более ответственным. Но как человек остался прежним. Таким же веселым, энергичным, обаятельным.

— Говорят, в вашем браке вы являетесь доминирующей стороной.

— Правда? Ну и что в этом плохого? Но я бы не сказала, что доминирую в семейной жизни. Просто Лайэм более легкий человек. Меня легче обидеть. Он же выпускает пар и снова весел и полон жизнерадостности. Я более склонна к критике и самокритике. Порой перехлестываю через край. Последние два года учусь эмоционально раскрепощаться.

— Как вы планируете вашу семейную жизнь?

— Мы не планируем. Просто живем. Я знаю, многие полагают, что актеры не могут вести нормальную семейную жизнь, воспитывать детей. Надеюсь, мы сможем опровергнуть это мнение. Я выросла в творческой семье и знаю, как тяжело женщине совмещать семью и карьеру. И еще — нам, актерам, нельзя доверять.

— То есть!

— Актеры, помимо тщеславия, отличаются крайней неуверенностью в своих силах. Они легко ранимы и поэтому прикрываются фальшивыми «я». Лицедейство — славное, чудесное, ужасно разаращающее ремесло. Оно может повернуться к актеру своей блестящей стороной. Я люблю этот блеск, и не боюсь в этом признаться. Потому что эта мишура — существенная часть мира кино. Меня смешит, когда актрисы пытаются изображать из себя обыкновенных домохозяек.

— А вы таковой не станете?

— Стану, наверное. Но я неисправимый романтик. Люблю путешествовать. Люблю готовить. Люблю, чтобы дома все было аккуратно и красиво. Люблю читать и ходить в кино. Люблю встречаться с друзьями.

— А как вы относитесь к знаменитостям, с которыми приходится встречаться?

— О! Я с детства писала знаменитостям фанатские письма. В семь лет сочиняла любовные послания группе «Куин». У меня в дневнике сохранился список моих героев — от Дэвида Кэссиди до Харрисона Форда. А недавно я написала Томми Ли Джонсу о его работе в последнем фильме моего отца, «Голубое небо».

— Помимо «Нелл», есть ли планы снова сниматься вместе с мужем?

— Мы не можем все время сниматься вместе, да и не хотим стать новыми Элизабет Тэйлор и Ричардом Бартоном. Хотя многие продюсеры охотно соглашаются эксплуатировать нашу личную жизнь в кино. Я чувствую, что на экране между нами возникает алхимия, взаимодействие. Но ставки слишком высоки, и мы не хотим искушать судьбу слишком часто.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС.

Стивен РЕБЕЛЛО.